

Серия
«Антология мысли»

1724—1804

И. Кант

**ЕДИНСТВЕННО
ВОЗМОЖНОЕ ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
БЫТИЯ БОГА
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ**

Переводчик — **Б. А. Фохт**

**Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 111
ББК 87.1
К19

Автор:

Иммануил Кант (1724—1804) — великий немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

Кант, И.

К19 Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога. Избранные труды / И. Кант ; переводчик Б. А. Фохт. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 256 с. — (Антология мысли). Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-534-07258-7

Кант — самый известный философ своего времени, положивший начало немецкой классической философии. Его труды знамениты и переведены на многие языки мира. В настоящем издании читателю предлагается работа философа, посвященная вопросу существования Бога.

Согласно принципам метафизического познания и пониманию тождества истин, Кант посчитал это достаточным основанием для доказательства бытия Бога. Он рассматривает различные подходы: Бог может не существовать, Бог не может не существовать, Бог может существовать, все существенно, все едино, все взаимосвязано, все зависит от Бога, не все зависит от Бога. Все размышления и аргументы философа отражены в данной книге.

Печатается по изданию 1940 года.

Для широкого круга читателей.

Издание имеет значительную историческую, художественную или иную культурную ценность и в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под действие указанного Федерального закона не подпадает.

УДК 111
ББК 87.1

Оглавление

ЛОЖНЫЕ УХИЩРЕНИЯ (SPITZFINDIGKEIT) В ЧЕТЫРЕХ СИЛЛОГИСТИЧЕСКИХ ФИГУРАХ, РАСКРЫТЫЕ ИММАНУИЛОМ КАНТОМ

§ 1. Общее понятие о природе умозаключений	11
§ 2. О высших правилах всех умозаключений.....	13
§ 3. О чистых и смешанных умозаключениях	14
§ 4. Единственно только в так называемой первой фигуре возможны чистые умозаключения, в трех остальных — только смешанные	16
§ 5. Логическое разделение четырех силлогистических фигур есть ложная ухищренность.....	21
§ 6. Заключительное рассмотрение	24

ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА

Предисловие	31
Первый отдел, в котором дается основание доказательства бытия бога.....	36
Первое рассмотрение. О существовании вообще.....	36
1. Существование совсем не есть предикат или определение какой-либо вещи	37
2. Существование есть абсолютное полагание вещи и именно этим отличается от любого другого предиката, который, как таковой, всегда полагается в отношении к какой-либо другой вещи	38
3. Могу ли я сказать, что в существовании содержится больше реальности, чем в простой возможности?	40
Второе рассмотрение. О внутренней возможности, поскольку она предполагает существование	42
1. Необходимое различие в понятии возможности	42
2. Внутренняя возможность всех вещей предполагает какое-либо существование	43
3. Безусловно невозможно, чтобы ничего не существовало	43
4. Всякая возможность дана в чем-либо действительном, причем она или дана в нем как некоторое определение его или через него как его следствие	44

Третье рассмотрение. О безусловно необходимом существовании.....	45
1. Понятие абсолютно необходимого существования вообще.....	45
2. Существует безусловно необходимое существо.....	47
3. Необходимое существо едино	47
4. Необходимое существо просто	48
5. Необходимое существо неизменно и вечно	49
6. Необходимое существо содержит я себе высшую реальность.....	49
Четвертое рассмотрение. Основание доказательства для утверждения существования бога	51
1. Необходимое существо есть дух	51
2. Бог существует	52
3. Примечание	53
Заключение.....	54
Второй отдел. О далеко простирающейся пользе, в особой мере присущей этому способу доказательства	56
Первое рассмотрение, в котором из воспринятого единства в существе вещей делается апостериорное умозаключение к существованию бога	56
1. Единство в многообразии существа вещей, показанное на свойствах пространства.....	56
2. Единство в многообразии существ вещей, раскрытое в том, что есть необходимого в законах движения.....	58
Второе рассмотрение. Различение зависимости моральной и неморальной всех вещей от бога	62
Третье рассмотрение. О зависимости вещей мира от бога через посредство порядка в природе или без такового.....	65
1. Подразделение событий мира, поскольку они подчиняются или не подчиняются порядку природы	65
2. Подразделение естественных событий, поскольку они подчиняются необходимому или случайному порядку природы.....	67
Четвертое рассмотрение. Употребление нашего основания для доказательства существования бога в обсуждении совершенства мира, рассматриваемого в смысле течения явлений природы	69
1. О том, какие умозаключения можно сделать из нашего основания (доказательства существования бога) в пользу преимущества естественного порядка природы перед сверхъестественным.....	69
2. Какой вывод можно сделать из нашего основания доказательства существования бога в пользу того или другого порядка природы.....	73
Пятое рассмотрение, в котором показывается недостаточность обыкновенного метода физико-теологии.....	76
1. О физико-теологии вообще	76
2. Преимущества, а также и ошибки обыкновенной физико-теологии	77
Шестое рассмотрение. Улучшенный метод физико-теологии.....	82
1. Порядок и благоустройство, хотя они и необходимы, указывают на разумного виновника мира	82

2. Необходимый порядок природы уже сам по себе указывает на виновника существования материи, подчиненной такому порядку.....	83
3. Правила улучшенного метода физико-теологии	85
4. Разъяснение этих правил.....	86
Седьмое рассмотрение. Космогония. Гипотеза механического способа объяснения происхождения мировых тел и причин их движения в соответствии с вышеприведенными правилами.....	95
1. Расширенный взгляд на всю совокупность содержания вселенной....	97
2. Основания для признания механического происхождения нашего планетного мира вообще	99
3. Краткий очерк вероятного способа, каким планетная система могла быть образована механически.....	102
4. Примечание	105
Восьмое рассмотрение. О божественном вседовлении (Allgenugsamkeit).....	108
Третий отдел, в котором показывается, что кроме приведенного никакое другое основание для доказательства бытия бога невозможно	112
1. Подразделение всех возможных оснований доказательства существования бога	112
2. Проверка оснований доказательства первого рода.....	113
3. Проверка оснований доказательства второго рода.....	114
4. Возможны вообще только два доказательства существования бога... ..	116
5. Возможно всего лишь одно единственное доказательство существования бога, основание которого было приведено выше	118

ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ В ФИЛОСОФИЮ ПОНЯТИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ВЕЛИЧИН

Предисловие	123
Первый отдел. Изъяснение понятия об отрицательных величинах вообще.....	126
Второй отдел, в котором приводятся примеры из философии, заключающие в себе понятие отрицательных величин	133
Третий отдел содержит некоторые размышления, которые могут подготовить применение упомянутого понятия к предметам философии	142
Замечания ко второму номеру	151
Общие замечания	155

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЧУВСТВОМ ВОЗВЫШЕННОГО И ПРЕКРАСНОГО МАГИСТРА ИММАНИУЛА КАНТА

Первый отдел. О различных предметах чувства возвышенного и прекрасного	161
---	------------

Второй отдел. О свойствах возвышенного и прекрасного у человека вообще	165
Третий отдел. О различии возвышенного и прекрасного во взаимоотношении обоих полов.....	181
Четвертый отдел. О национальных характерах, поскольку они основываются на различии чувств возвышенного и прекрасного	195

ПРИЛОЖЕНИЕ К «НАБЛЮДЕНИЯМ НАД ЧУВСТВОМ ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО»

О свободе.....	232
Примечания	237
Указатель имен	248
Новые издания по дисциплине «Зарубежная философия» и смежным дисциплинам	255

**ЛОЖНЫЕ УХИЩРЕНИЯ
(SPITZFINDIGKEIT)
В ЧЕТЫРЕХ
СИЛЛОГИСТИЧЕСКИХ
ФИГУРАХ, РАСКРЫТЫЕ
ИММАНУИЛОМ КАНТОМ**

1762

§ 1. Общее понятие о природе умозаключений

Высказать суждение значит сравнить что-либо как признак с какой-либо вещью. Сама вещь есть субъект, признак — предикат. Сравнение их выражается соединительным словом *есть* или *суть*. Если это слово применяется просто, в своем прямом смысле, то оно обозначает предикат как признак субъекта; если же оно сопровождается знаком отрицания, то оно обозначает предикат как признак, противопоставленный субъекту. В первом случае получается суждение утвердительное, во втором — отрицательное. Легко понять, что обозначение предиката как признака еще не означает, что этот предикат есть признак субъекта, ибо так обстоит дело только в утвердительном суждении; но это имеет тот смысл, что предикат рассматривается как признак какой бы то ни было вещи, хотя бы он и противоречил субъекту в отрицательном суждении о нем. Так, дух есть вещь, о которой я мыслю; сложное — признак чего-либо; суждение *дух не есть нечто сложное* представляет этот признак, как противоречащий этой вещи.

То, что составляет признак признака вещи, называют *опосредствованные признаком ее*. Так, *необходимость* есть непосредственный признак бога, *неизменяемость* — признак необходимого и опосредствованный признак бога. Легко видеть, что непосредственный признак занимает место посредствующего признака (*nota intermedia*) между каким-либо более отдаленным признаком и самой вещью, так как только при его посредстве этот более отдаленный признак сравнивается с самой вещью. Но с помощью посредствующего признака можно сравнить с вещью некоторый признак также и отрицательно, распознав, что нечто находится в противоречии с непосредственным признаком вещи. Случайное, как признак, противоречит необходимому, необходимое же есть признак бога и, следовательно, через посредствующий признак здесь достигается познание, что случайное бытие противоречит богу.

Теперь только я могу установить реальное определение умозаключения. *Всякое суждение через опосредствованный признак есть умозаключение*, или, другими словами: умозаключение есть сравнение признака с вещью через посредствующий признак. Этот посредствующий признак (*nota intermedia*) принято называть *средним основным понятием* (*terminus medius*) *умозаключения*¹; как называются и что представляют собой другие основные понятия умозаключения — достаточно известно.

Чтобы ясно познать отношение признака к вещи в суждении *человеческая душа есть дух*, я пользуюсь посредствующим термином *раз-*

умный, так что уже через его содействие признак *быть* духом я рассматриваю как опосредствованный признак человеческой души. Три суждения необходимо должны иметь здесь место, именно:

1. Духовное бытие есть признак разумного.
2. Разумность есть признак человеческой души.
3. Духовное бытие есть признак человеческой души, ибо сравнение более отдаленного признака с самой вещью возможно не иначе, как только через эти три акта.

В форме правильно расположенных суждений они гласили бы так: все разумное есть дух, душа человека разумна, следовательно, душа человека есть дух. Это и есть утвердительное умозаключение. Что касается отрицательных умозаключений, то столь же легко бросается в глаза, что именно потому, что противоречие предиката и субъекта я не всегда познаю с достаточной ясностью, мне, насколько это возможно, приходится прибегать к вспомогательному средству, чтобы облегчить себе понимание при помощи посредствующего признака. Предположим, что мне дано отрицательное суждение: продолжительность существования бога (*Die Dauer Gottes*) не может быть измерена никаким временем; и, допустим, я не нахожу, чтобы этот предикат при таком непосредственном сравнении его с субъектом давал бы мне достаточно ясное понятие его противоречия субъекту, тогда я прибегну к такому признаку, который я могу непосредственно представить себе в этом субъекте, сравню предикат с ним и — уже при его посредстве — с самой вещью. *Быть измеримым* посредством времени противоречит *всему неизменному*; *неизменяемость же* есть признак бога, следовательно, и т. д. Будучи выражено формально, это умозаключение гласило бы: ничто неизменяемое не может быть измерено с помощью времени, — длящееся непрерывно существование бога (*Dauer*) неизменно, следовательно, и т. д.

§ 2. 0 высших правилах всех умозаключений

Из приведенного выше мы узнали, что первое и самое общее правило всех утвердительных умозаключений таково: *признак признака есть признак самой вещи* (*nota notae est etiam nota rei ipsius*); для всех же отрицательных суждений оно будет гласить так: *что противоречит признаку какой-либо вещи, противоречит и самой вещи* (*repugnans notae repugnat rei ipsi*). Ни одно из этих правил не доступно дальнейшему доказательству, потому что доказательство возможно только через одно или несколько умозаключений, желать же доказать высшее правило всех умозаключений значило бы поэтому делать круг в заключении. Но что именно эти правила содержат в себе последнее общее основание всех возможных способов умозаключений, ясно из того, что те правила, которые до сего времени всеми логиками считались за высшие правила всех заключений нашего разума, должны заимствовать единственное основание своей истинности из правил, указанных здесь нами. *Dictum de Omni*², высшее правило всех утвердительных умозаключений, гласит поэтому так: что о каком-либо понятии утверждается вообще, то утверждается и о каждом другом понятии, которое в нем содержится. Основание доказательства этого правила ясно: то понятие, которое содержит под собой другие, всегда обособлено от этих последних как некоторый признак их; все, что этому понятию присуще, есть поэтому признак признака, а тем самым, следовательно, и признак самих вещей, от которых он был обособлен, т. е. он присущ также и всем низшим понятиям, в нем содержащимся. Всякий, кто хоть сколько-нибудь преуспел в логических познаниях, легко поймет, что это *Dictum* обладает истинностью только в силу этого основания, и что, стало быть, оно зависит от нашего первого правила. *Dictum de nullo*³ находится в точно таком же отношении к нашему второму правилу: что о каком-либо понятии отрицается вообще, то будет отрицаться и о всем том, что содержится в этом понятии. Ибо то понятие, в котором содержатся все эти другие понятия, есть только признак, от них обособленный. Но то, что противоречит этому признаку, противоречит и самим вещам; следовательно, то, что противоречит высшим понятиям, должно противоречить и низшим понятиям, подчиненным тому же понятию.

§ 3. 0 чистых и смешанных умозаклучениях

Общеизвестно, что есть непосредственные заключения, в которых из одного суждения истина другого познается непосредственно, без среднего термина (Mittelbegriff). Именно поэтому такие заключения и не суть умозаклучения; например, из положения «всякая материя изменяема» прямо следует: «что́ неизменяемо, не есть материя». Логика насчитывает несколько различных родов таких непосредственных выводов (Schlussfolgen), среди которых наиболее важные суть несомненно те, которые получаются посредством логического обращения и противопоставления сказуемому (Contraposition).

И вот если умозаклучение осуществляется не иначе, как посредством трех предложений, по правилам только что изложенным для всякого умозаклучения, то [такое умозаклучение] я называю чистым умозаклучением (ratiocinium purum); если же оно возможно только через соединение между собой более чем трех суждений, тогда налицо будет умозаклучение смешанное (ratiocinium hybridum). Допустим, в самом деле, что между тремя основными предложениями (Hauptsätze) будет вставлено еще выведенное из них непосредственно умозаклучение, так что, следовательно, у нас будет на одно предложение (Satz) больше, чем сколько допускается в чистом умозаклучении. Это и будет тогда ratiocinium hybridum. Допустим, например, что кто-либо заключает следующим образом:

Ничто разрушимое не есть [нечто] простое,
Следовательно, ничто простое неразруσιμο;
Душа человека есть нечто простое,
Следовательно, душа человека неразрушима.

Тогда мы, собственно, не будем здесь иметь дела с сложным умозаклучением, так как таковое должно состоять из нескольких умозаклучений; данное же умозаклучение содержит в себе кроме того, что требуется для [чистого] умозаклучения, еще непосредственное заключение через противопоставление⁴ и состоит из четырех предложений.

Но если бы выраженными были даже всего только три суждения, а получение вывода из этих суждений было бы возможно только через допустимое соответствующими правилами логическое обращение⁵, противопоставление (Contraposition) или через какое-либо другое логическое изменение одной из посылок, — все равно умозаклучение было бы ratiocinium hybridum; потому что дело здесь совсем не в том,

что именно высказывают, а в том, что неизбежно при этом нужно мыслить, чтобы могло иметь место правильное получение вывода. Допустите, в самом деле, что в умозаключении:

Ничто разрушимое не есть нечто простое,
Душа человека есть нечто простое,
Следовательно, душа человека неразрушима,

правильный вывод возможен лишь постольку, поскольку посредством совершенно правильного обращения большей посылки я могу, сказать: ничто разрушимое не просто, следовательно, ничто простое неразрушимо — тогда умозаключение останется смешанным, потому что сила вывода в нем основывается на молчаливом привлечении этого непосредственного заключения, которое здесь необходимо хотя бы подразумевать.

§ 4. Единственно только в так называемой первой фигуре возможны чистые умозаключения, в трех остальных — только смешанные

Если умозаключение происходит непосредственно согласно одному из двух выше нами приведенных высших правил, тогда оно всегда представляет собой умозаключение по первой фигуре. Первое правило гласит так: признак *B* признака *C*, принадлежащего некоторой вещи *A*, есть признак этой вещи *A*. Отсюда берут начало три предложения (Sätze):

		<i>C</i>		<i>B</i>
С имеет признак <i>B</i> ;	Все, что	разумно		есть дух;
А имеет признак <i>C</i> ,		<i>A</i>		<i>C</i>
Следовательно, А имеет признак <i>B</i> .	Человеческая	душа		разумна,
	Следовательно, человеческая			
	<i>A</i>			<i>B</i>
	душа	есть		дух.

Весьма легко построить и еще ряд подобных же предложений (суждений), а также показать, как к некоторым из них применяются правила отрицательных умозаключений, чтобы убедиться, что, поскольку они соответствуют этим правилам, они всегда происходят по первой фигуре⁶, и это дает мне право избежать здесь ненужной подробности. Легко понять также, что эти правила умозаключений не требуют того, чтобы кроме суждений, входящих в их состав, между ними были бы в целях обязательности вывода вставляемы еще и непосредственные заключения, получаемые из того или другого из этих суждений. В силу всех этих оснований умозаключение по первой фигуре является чистым умозаключением.

По второй фигуре⁷ невозможны, никакие другие умозаключения кроме смешанных.

Правило второй фигуры таково: что противоречит признаку вещи, то противоречит и самой вещи. Это положение истинно только потому, что то, чему противоречит признак, и само противоречит этому при-

знаку; но то, что противоречит признаку, противоречит и самой вещи, следовательно, то, чему противоречит признак вещи, противоречит и самой вещи. Очевидно, что только потому, что большую посылку как отрицательное суждение я могу здесь подвергнуть простому обращению, возможен и переход через меньшую посылку к выводу. Поэтому обращение это должно быть здесь молчаливо подразумеваемо, иначе суждения мои не приведут к выводу. Но предложение, полученное через обращение, есть вставленное здесь непосредственное следствие из первой посылки нашего умозаключения, каковое, стало быть, содержит в себе четыре суждения и есть поэтому *ratiocinium hybridum*, например, если я скажу:

Ни один дух не есть нечто делимое,
Всякая материя есть нечто делимое,

следовательно, никакая материя не есть дух, то я заключаю правильно, но вывод имеет здесь силу только потому, что из первого предложения: ни один дух не *есть нечто делимое*, путем непосредственного заключения вытекает: *следовательно, ничто делимое не есть дух*, а отсюда все уже следует тогда согласно общему правилу всех умозаключений совершенно правильно. Но так как только в силу этого непосредственного заключения, [получаемого из большей посылки], весь аргумент и приобретает вообще способность вести к выводу, то и само это непосредственное заключение входит в него и делает его состоящим из четырех суждений:

Ни один дух не есть нечто делимое,

И потому ничто делимое не есть дух;
Всякая материя есть нечто делимое;
Следовательно, никакая материя не есть дух.

По третьей фигуре⁸ невозможны никакие другие умозаключения, кроме смешанных.

Правило третьей фигуры следующее: что присуще некоторой вещи или противоречит ей, то присуще также или противоречит некоторым вещам, содержащимся под другим признаком этой вещи. Но само это положение истинно только потому, что то суждение, в котором говорится, что некоторый другой признак присущ этой вещи, подлежит обращению (*per conversionem logicam*). Только таким образом это положение и становится соответствующим правилу всех умозаключений:

Все люди — грешны;
Все люди — разумные существа;
Следовательно, некоторые разумные существа — грешны.

Это умозаключение имеет силу только потому, что благодаря обращению per accidens я из меньшей посылки могу заключить так: следовательно, некоторые разумные существа суть люди, а это уже дает возможность сравнить понятия по правилу всех умозаключений, однако Только через посредство вставленного непосредственного заключения, в силу чего и здесь мы имеем дело с *ratiocinium hybridum*:

Все люди — грешны;
Все люди суть разумные существа;
Тем самым некоторые разумные существа суть люди,
Следовательно, некоторые разумные существа — грешны.

То же самое легко показать и в отрицательном модусе этой фигуры, что я ради краткости опускаю.

По четвертой фигуре невозможны никакие другие умозаключения, кроме смешанных.

Способ заключения по этой фигуре до такой степени неестественен и основывается на таком большом числе возможных посредствующих заключений, которые должны быть здесь мыслимы, как намеренно вставленные в целые умозаключения, что общее правило его, которое я мог бы здесь предложить, было бы весьма темным и малопонятным. Поэтому я намерен сказать только, на каких условиях держится здесь сила вывода. В отрицательных модусах этих умозаключений правильный вывод возможен потому, что я могу менять здесь места основных понятий (терминов) либо посредством логического обращения, либо посредством противопоставления (*Contrapositio*) и, следовательно, каждый раз за большей посылкой мыслить непосредственно вытекающий из нее вывод, так что выводы эти оказываются поставленными как раз в те отношения, которые вообще должны иметь для них силу согласно общему правилу. Что же касается утвердительных модусов, то я покажу, что по четвертой фигуре они совсем невозможны. Отрицательное умозаключение по этой фигуре, в той его форме, как оно собственно должно быть мыслимо, получит такой вид:

Ни один глупец не есть ученый;

отсюда: ни один ученый не есть глупец.

Некоторые ученые благочестивы;

отсюда: некоторые благочестивые люди — суть ученые. Следовательно, некоторые благочестивые люди — не глупы. Возьмем теперь силлогизм второго рода:

Всякий дух есть нечто простое;
Все простое неразруσιμο;

Следовательно, нечто из того, что неразруσιμο, есть дух.

Здесь с очевидностью бросается в глаза, что суждение заключения в том его виде, в каком оно перед нами, вовсе не вытекает из посылок. Это тотчас же становится ясным, как только мы сравним с ним средний термин. В самом деле, я не могу сказать: нечто из того, что неразруσιμο, есть дух, потому что оно есть нечто простое, ибо из того, что нечто обладает простотой, не следует еще, что тем самым оно есть и дух. Далее, при этом никакими возможными логическими изменениями нельзя так установить посылки, чтобы предложение, составляющее вывод, или хотя бы какое-либо другое предложение, из которого этот вывод вытекает как непосредственное, следствие, могло бы быть из них выведено, если только согласно раз навсегда для всех фигур установленному правилу основные понятия действительно должны быть размещены так, чтобы больший термин находился в большей, а меньший в меньшей посылке*. И хотя и окажется возможным получить заключительное предложение, из которого вытекает данный вывод, при условии, если я совершенно перемену места основных понятий силлогизма, так что больший термин займет место меньшего и наоборот, — все же при этом необходимо потребуются также полное перемещение посылок, и таким образом полученное по четвертой фигуре мнимое умозаключение хоть и будет содержать в себе требуемый для умозаключения материал, но не будет, однако, обладать той формой, согласно которой оно должно протекать. И это вообще не будет, следовательно, умозаключение, согласно с логическим порядком, при каковом условии только и возможно разделение на четыре фигуры, и которое в отрицательном модусе той же (четвертой) фигуры приобретает совершенно другой вид и смысл. Вот как должно будет гласить это умозаключение:

Всякий дух есть нечто простое;
Все простое неразруσιμο;
Следовательно, всякий дух есть нечто неразруσιμο.

А тем самым и нечто из того, что неразруσιμο, есть дух. Заключать так совершенно правильно, но такого рода умозаключение отличается от умозаключения по первой фигуре не иным положением среднего термина, но только тем, что здесь переменены места посылок, и в предложении, составляющем вывод, перемещены основные понятия (боль-

* Это правило основывается на синтетическом порядке, согласно которому с субъектом сравнивается сначала более отдаленный, а затем более близкий признак его. Между тем если бы и это правило мы стали рассматривать лишь как произвольное, то все же оно оказалось бы совершенно необходимым, как только мы поставили бы себе целью иметь в своем распоряжении именно четыре фигуры силлогизма. Ибо, как скоро станет безразличным, отнести ли мне предикат, встречающийся в суждении заключения, в большую или меньшую посылку, исчезнет и различие между первой и четвертой фигурами. С такой ошибкой встречаемся мы в логике Крузия (Crusii), стр. 600⁹.

ший и меньший термины)*. В этом нет однако никакого изменения фигуры. С ошибкой подобного рода встречаемся мы в приведенном месте логики Крузия, где это право менять места посылок дало автору повод думать, что заключение происходит в таком случае по четвертой фигуре и притом даже естественнее, чем по первой. Жаль становится тех усилий, которые затрачиваются великим умом в его стремлении представить бесполезное дело лучшим, чем оно есть. Некоторой пользы можно было бы достичь только совершенным уничтожением этого мнимого различия фигур.

* В самом деле, если большей посылкой служит предложение, в котором встречается предикат вывода, то в отношении того вывода, который действительно непосредственно вытекает здесь из своих предпосылок, предложение, поставленное вторым, будет большей посылкой, а стоящее на первом месте — меньшей посылкой. Но в таком случае умозаключение протекает по первой фигуре, с той только разницей, что то предложение, которое имелось в виду получить в качестве вывода, здесь извлекается из предложения, непосредственно вытекающего из допущенных суждений путем логического обращения.

§ 5. Логическое разделение четырех силлогистических фигур есть ложная ухищренность

Нельзя отрицать, что по всем этим четырем фигурам возможно получение правильного вывода. Но бесспорно также и то, что все они за исключением первой фигуры только окольным путем, помощью вводных посредствующих заключений, приходят к определенному выводу, и что то же самое предложение, которое составляет в них вывод посредством того же самого среднего термина, могло бы быть по первой фигуре получено в чистом, ничем не осложненном виде. Здесь поэтому могла бы возникнуть мысль, что остальные фигуры в худшем случае бесполезны, но сами по себе еще не ложны. Однако если принять во внимание, с какой целью они были изобретены и по сие время все еще составляют предает научного изложения, то придется судить иначе. Если бы вся задача состояла в том, чтобы известное количество заключений, перемешанных с главными суждениями, так переплести с ними, чтобы вследствие открытого выражения одних из них и умолчания других потребовалось много искусства для усмотрения их согласия с правилами умозаключения вообще, тогда, конечно, можно было бы в добавление к имеющимся измыслить еще много, правда, не фигур, но разного рода загадочных и достаточно головоломных заключений. Но цель логики не в том, чтобы запутывать, а в том, чтобы разъяснять; не в том, чтобы что-либо излагать в скрытой форме, а в том, чтобы достигать в изложении полной очевидности. Вот почему эти четыре рода умозаключений должны быть даны в их простом, ни с чем не смешанном, никакими побочными заключениями не прикрытом виде, иначе за ними нельзя было бы признать права стать предметом логического изложения в качестве формул, могущих ясно представить природу умозаключений разума. Несомненно также и то, что до сих пор все логики рассматривали их в качестве простых умозаключений, не замечая необходимости введения в них других суждений, так как иначе за ними никогда не было бы признано права законного существования в логике. Таким образом, остальные три рода заключений как правила умозаключений вообще истинны, но когда в них видят простые и чистые заключения — ложны. Эта неправильность, возводящая на степень права склонность запутывать каши воззрения в совершенном противоречии с подлинной задачей логики — все при-

водить к простейшей форме познания, — становится тем большей, чем большее число особых правил (каковых в каждой фигуре имеется несколько) оказывается нужным иметь в виду, чтобы при всех этих прыжках в сторону самому себе не переломать ноги. И действительно, если существовало когда-либо совершенно бесполезное дело, на которое было затрачено много пронизательности и расточено много мнимой учености, так именно это. Так называемые модусы¹⁰, возможные в каждой фигуре, обозначенные странными словами, да еще содержащие в себе искусственно подобранные, таинственным значением преисполненные буквы, облегчающие превращение их в модусы первой фигуры, — все это для будущих времен послужит ценным и редкостным примером особого способа мышления человеческого рассудка. Наступит время, когда, рассматривая эту почтенную ржавчину древности как некоторого рода пережиток, более просвещенное потомство научится удивляться и сожалеть о кропотливых и напрасных усилиях его предков.

Легко открыть и первое побуждение к этой ухищренности. Тот, кто впервые написал посылки силлогизма в три ряда друг под другом, стал рассматривать его как своего рода шахматную доску и сделал попытку уяснить себе, что могло бы получиться от перемещения в нем места его среднего термина, был, надо думать, столь же изумлен, заметив, что при этом получается некоторый разумный смысл, как бывает поражен и тот, кто в имени неожиданно находит анаграмму. Но одинаково детской является и та и другая радость, особенно если из-за этого забывают, что в отношении ясности ничего нового таким образом не достигается, а, напротив, только еще увеличивается степень неясности. Но такова уже, видно, судьба человеческого рассудка: либо он настроен на тонкие размышления, и тогда впадает в склонность к фокусам, либо дерзновенно гонится за слишком великими предметами, и тогда строит воздушные замки. Из громадной толпы мыслителей один избирает себе предметом своих изысканий число 666, другой — первоначальное происхождение животных и растений или сокровенные пути провидения. Заблуждение, в которое оба они впадают, весьма различного свойства и оттенка, как различны и их умы.

Вещи, достойные знания, накаплиются в наши дни во множестве. Скоро наша способность к познанию окажется слишком слабой, а жизнь наша слишком короткой для усвоения хотя бы только наиболее полезной части их. Мы в избытке получаем богатства, и для того чтобы найти для них место, нам приходится выбросить многое как ненужный хлам. Было бы, конечно, лучше никогда и не обременять себя им.

Я обольщал бы себя чрезмерной надеждой, если бы стал думать, что эта работа, стоившая мне нескольких часов труда, может послужить к ниспровержению колосса, голова которого скрывается в облаках древности, а ноги сделаны из глины. Моей задачей было только дать отчет о том, почему в моем изложении логики, которое я не имею возможности расположить всецело согласно с моим собственным понима-

нием дела, будучи вынужден многое сделать в угоду господствующим вкусам, — я буду особенно краток в рассмотрении этих предметов, чтобы время, которое я при этом выиграю, использовать для расширения действительно полезных знаний.

Существует, правда, и некоторое другое применение силлогистики, состоящее в том, чтобы при ее помощи в ученом словопрении оказываться победителем над неосмотрительным противником. Но так как это ее применение относится к тому, что можно назвать атлетикой ученых, искусству в других отношениях, быть может, и весьма полезному, но не могущему существенно способствовать интересам истины, то я и обхожу ее здесь молчанием.

§ 6. Заключительное рассмотрение

Мы знаем теперь, что высшие правила всех умозаключений непосредственно ведут к тому порядку понятий, который называется первой фигурой, что все другие перемещения среднего термина дают возможность правильного вывода, лишь поскольку они при помощи легко осуществимого усмотрения непосредственных следствий ведут к таким предложениям, которые связаны между собой уже в простом порядке первой фигуры; что простые и не смешанные умозаключения возможны единственно только по первой фигуре, потому что всегда именно только первая фигура, замаскированная непосредственными следствиями, оказывается скрыто лежащей в основании всякого умозаключения, и одна только и содержит в себе всю силу вывода, изменение же положения основных понятий силлогизма обуславливает собой только более или менее длинный окольный путь, который нужно бывает пройти, чтобы дойти до вывода, и что вообще все разделение на фигуры, поскольку оно должно обнимать только чистые, ни с какими посредствующими суждениями не смешанные умозаключения, ложно и невозможно. Каким образом наши общие правила всех умозаключений одновременно содержат в себе также и особые правила так называемой первой фигуры, также каким образом исходя из данного нам предложения, выражающего собой заключение, и среднего термина можно тотчас же всякое умозаключение по любой из остальных фигур без лишних подробностей и «формул сведения» превратить в простой способ умозаключения по первой фигуре, так что либо само заключение, либо предложение, из которого оно вытекает как непосредственное следствие, может быть получено в качестве искомого вывода, — все это настолько легко извлечь из нашего разъяснения, что я не буду на этом больше останавливаться.

Я не хотел бы закончить это рассмотрение, не присоединив к нему некоторых замечаний, которые и в других отношениях могли бы оказаться весьма полезными.

Я утверждаю поэтому, во-первых, что отчетливое понятие возможно только посредством суждения, законченное же понятие (*vollständiger Begriff*) — не иначе, как посредством умозаключения. В самом деле, для отчетливого понятия требуется, чтобы я что-либо ясно познал, как признак некоторой вещи, а это и есть суждение. Чтобы иметь отчетливое понятие о теле, я составляю себе ясное представление о непроницаемости как его признаке. Но это представление есть не что иное, как мысль: тело — непроницаемо. При этом следует только заметить, что

это суждение не есть еще само по себе отчетливое понятие, но только тот акт, через посредство которого оно осуществляется, ибо то представление, которое вследствие этого акта возникает о самой вещи, есть отчетливое представление. Легко показать также, что законченное понятие возможно только посредством умозаключения, стоит только Справиться для этого с § 1 настоящего исследования. Поэтому отчетливое понятие можно было бы обозначить также и как такое, которое становится ясным через суждение, законченное же — как такое, которое приобретает отчетливость посредством умозаключения. Если эта законченность есть законченность первой степени, то тогда мы имеем дело с простым умозаключением, если же это будет законченность второй или третьей степени, то она возможна только через ряд в виде цепи между, собой связанных заключений, которым рассудок придает сокращенную форму сорита¹¹. Отсюда становится ясной также и существенная ошибка логики, в том ее виде, как она обыкновенно излагается, а именно, что в ней об отчетливых и законченных понятиях трактуется раньше, чем о суждениях и умозаключениях, хотя и те и другие понятия одинаково возможны только посредством последних, т. е. суждений и умозаключений.

Во-вторых, в какой мере очевидным является то, что для законченного понятия не требуется никакой другой из основных сил души кроме той, которая нужна для отчетливого понятия (поскольку ведь та же способность, посредством которой мы что-либо непосредственно познаем как признак некоторой вещи, делает возможным в свою очередь также и представление в этом признаке другого признака, и таким образом обуславливает возможность мыслить о вещи через посредство более отдаленного признака), — столь же легко бросается в глаза и то, что рассудок и разум, т. е. способность отчетливого познания и способность делать умозаключения, не суть какие-либо две различные друг от друга основные способности. И та и другая состоят в способности к суждению; судить же опосредствованно и значит делать умозаключение.

В-третьих, отсюда же можно прийти и к выводу, что высшая сила познания основывается исключительно на способности к суждению. Поэтому если какое-либо существо способно иметь суждения, то тем самым оно обладает и высшей способностью познания. Если же найдется основание для отказа ему в этой способности, то это значит, что оно не в состоянии иметь и суждения. Недостаточное внимание к такого рода исследованиям дало одному знаменитому ученому¹² повод признать и за животными способность к образованию отчетливых понятий. Согласно этому мнению бык в своем представлении о стойле имеет ясное представление также и о признаке стойла — двери — и, следовательно, отчетливое понятие о стойле. Легко предотвратить здесь это заблуждение. Не в том состоит отчетливость понятия, что то, что составляет признак вещи, нами ясно представляется, но в том, что оно познается как признак вещи. Конечно, двери есть нечто принадле-